

Жанна
Немцова

ДОЧЬ СВОЕГО ОТЦА

18+

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

История современной России в событиях и лицах

Жанна Немцова

Дочь своего отца

«ЭКСМО»

2021

УДК 929(470)
ББК 63.3(2Рос)-8

Немцова Ж. Б.

Дочь своего отца / Ж. Б. Немцова — «Эксмо», 2021 — (История современной России в событиях и лицах)

ISBN 978-5-04-162674-7

«В годовщину убийства тысячи людей приходят, чтобы возложить цветы. Мне жаль, что отец уже никогда не узнает, как сильно его любили и уважали». 27 февраля 2015 года на Большом Москворецком мосту был застрелен один из самых ярких и влиятельных политиков современной России — Борис Немцов. И при жизни, и уже тем более после смерти его имя часто упоминается в статьях и расследованиях, в чьих-то предвыборных программах и памятных речах, в текстах кремлевских пресс-служб и блогах оппозиционеров. Кажется, что все они хорошо знают, каким был Борис Немцов, но подчас мнения их так расходятся, что отличить правду от вымысла очень сложно. Жанна Немцова с присущей ей прямоотой рассказывает в книге и о том, как начиналась политическая карьера ее отца, и как выстраивались отношения в их семье, и что изменилось с переездом в Москву и работой в правительстве, и, конечно, про день убийства и про реакции общества, последовавшие за этим. Это невероятно честная книга не только о судьбе самой Жанны и судьбе ее папы, но и о судьбе целой страны. О том, какое прошлое мы пережили и какое будущее нам предстоит. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929(470)
ББК 63.3(2Рос)-8

ISBN 978-5-04-162674-7

© Немцова Ж. Б., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предисловие	7
Раздел I	8
1	10
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Жанна Борисовна Немцова

Дочь своего отца

© Жанна Немцова, текст, 2021

© Юрий Колокольников, фото, 2021

© Николай Мошков, фото, 2021

© Рустем Адагамов, фото, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Мне важно было написать книгу об отце. Я давно об этом думала, все эти годы, что его нет. Но я не хотела писать ее второпях. Так уже было. В 2016 году в Германии вышла книга в соавторстве с немецким журналистом Борисом Райтшустером, она называлась «Разбудить Россию». Откровенно говоря, я была недовольна ею. А главное – я мечтала написать книгу об отце для российской аудитории. И наверное, правильно, что она появилась именно сейчас, спустя шесть лет после убийства моего отца. Теперь мне есть что рассказать не только о своем отце, которого я безумно любила и каждый день вспоминаю, но и том, как сложилась моя жизнь после его гибели. Оговорюсь, что вы не найдете здесь полной биографии Бориса Немцова – я пишу только о событиях, которые я наблюдала собственными глазами.

Вы часто в этой книге будете встречать фразу «на меня не возлагали никаких надежд» – и это совершенная правда. На самом деле «надежды» только давят на человека, который постоянно думает о том, оправдывает он их или нет. На выпускном вечере в моей московской школе № 312 мой отец сказал, что главное – это верить в себя. Я склонна с ним согласиться. Как и с другим его высказыванием, которое звучало примерно так: «Если человек способный, но ленивый, то он неспособный. А если не очень способный, но не ленивый – то способный». На своем собственном опыте я убедилась, что человек может сделать намного больше, чем он сам от себя ожидает.

Трагическая гибель моего отца стала для меня огромным ударом, но вместе с тем мобилизовала и заставила действовать: и делать карьеру в политической журналистике, и создать Фонд, и быть вовлеченной в расследование его убийства. И даже написать эту книгу. Я благодарна своему отцу за все, что он для меня сделал.

А теперь – благодарности тем, кто помогал мне работать над этой книгой. Название придумала журналист и тренер по коммуникациям Нина Зверева, когда мы с ней гуляли по лесной дорожке в деревне Филино Нижегородской области во время полного локдауна в России.

Моя бабушка Дина, мама моего отца, делилась своими воспоминаниями, мама Раиса читала каждую главу и указывала, где я переборщила, а где не совсем корректно изложила факты.

Виктор Лысов, который работал с моим отцом в начале 1990-х в администрации Нижегородской области, проверял все то, что касается нижегородского рабочего периода.

Ольга Шорина, моя подруга и партнер, подсказала более удачные формулировки.

Ну вот, пожалуй, и все! Надеюсь, читать будет нескучно.

Раздел I До убийства

Фото Николая Мошкова

1

Мы живем в новую эпоху: как молодой физик Борис Немцов стал политиком

Я родилась в стране, которой уже не существует. В городе, который сменил свое название. В эпоху генсеков и Политбюро.

1984 год. Поздний Советский Союз. Город Горький. Через год Михаил Горбачев придет к власти, и вскоре начнется перестройка. Через семь лет прекратит свое существование СССР. Через шесть лет городу вернут историческое название – Нижний Новгород.

Через семь лет после моего рождения жизнь нашей семьи сильно изменится. Но тогда, в 1984-м, мой отец был физиком, а мама – библиотекарем.

В Горьком было много предприятий ВПК и научно-исследовательских институтов, тесно связанных с оборонным комплексом. Поэтому город имел статус закрытого: иностранцев сюда не пускали.

В одном из таких НИИ, точнее, в научно-исследовательском радиофизическом институте, работал мой отец. Он был физиком-теоретиком и занимался акустикой.

Отец – коренной нижегородец, но родился он в Сочи: его отец работал там на стройках, а мама – врачом. Но вскоре моя бабушка развелась с дедушкой и вернулась в Горький вместе с двумя детьми, Юлией и Борисом.

А вот моя мама приехала в Горький из Волгограда. Здесь она поступила в институт иностранных языков на отделение французского языка. Взяли ее только на педагогический факультет: переводческий для девушек был фактически закрыт. Часть выпускников переводческого факультета шла служить в армию, некоторые делали карьеру в органах госбезопасности.

Мама не стала работать учителем в школе, не смогла найти вакансию преподавателя французского языка. Поэтому после окончания вуза устроилась в областную библиотеку им. Ленина. Она работала в библиографическом отделе и занималась в библиотеке тем, чем сейчас занимается поисковая система Гугл, – искала информацию по запросам. Например, человек говорил:

- Я пишу диссертацию по такой-то теме, мне нужна по ней подборка научных статей.
- Хорошо, – говорила мама и уходила искать в каталогах.

Каталогизировано было все – абсолютно все книги, статьи, журналы, которые хранились в библиотеке. Сам библиотечный фонд делился на два сегмента: открытый и закрытый. В закрытом спецхране были книги, запрещенные в СССР, – для того чтобы их прочитать, требовался особый доступ.

Это была низкооплачиваемая работа, поэтому когда мама узнала, что освободилось место в библиотеке педиатрического института, она тут же перешла туда. Никакие амбиции мамы задеты не были – она вообще не амбициозный человек. Определяющим было то, что платили там больше – 140 рублей против 100 рублей на предыдущем месте работы. Отец получал немногим больше – около 170 рублей.

Мне сложно перевести эти зарплаты на сегодняшние деньги, но доход родителей был средним для того времени. На самом деле заработок не определял уровень жизни из-за тотального дефицита – от продуктов до предметов первой необходимости и одежды. Важнее были связи с людьми в торговле. Поэтому самым ходовым словом в Союзе было не «купить», а «достать». Родители часто его использовали в разговорах, но для меня слово имело прямое значение – я была уверена, что что-то достать могут только высокие люди, и поэтому у моего отца получается: он был 187 см.

В государственных магазинах невозможно было увидеть на полках ничего, кроме консервированной морской капусты ламинарии. Если что-то появлялось, за этим выстраивались страшные очереди. Уже в последние годы СССР были введены продуктовые карточки из-за угрозы голода. Даже на рынках были очереди за продуктами, несмотря на более высокие цены.

Еще одной статьей расходов для нашей семьи была съемная квартира. На аренду квартиры родители тратили 40 рублей.

Папа подрабатывал репетитором по математике и физике. Готовил абитуриентов для поступления в вуз. Его ученики поступали на математические и физические факультеты во многом за счет того, что отец умел объяснять сложные вещи простыми словами. Способность ясно и доступно доносить свои мысли сделала его впоследствии популярным политическим и общественным лидером. Егор Гайдар, экономист и исполняющий обязанности премьер-министра России в 1992 году, удивлялся способности моего отца находить общий язык с совершенно разными людьми.

**МОЙ ОТЕЦ НИКОГДА НЕ БЫЛ НИ ЧЛЕНОМ КОМСОМОЛА,
НИ ЧЛЕНОМ КПСС. ОН НАЧАЛ СВОЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЛИДЕР ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА
В ГОРЬКОМ.**

26 апреля 1986 года на Чернобыльской атомной электростанции взорвался реактор четвертого энергоблока. В СССР пытались замалчивать катастрофу, но о ней все равно стало известно. Люди были невероятно напуганы угрозой распространения радиации: скупали счетчики Гейгера и ходили с ними в магазин и на рынок – проверяли продукты на радиоактивность.

При этом в Горьком фактически в черте города шло строительство АСТ – атомной станции теплоснабжения: от нее до границы Горького можно было дойти пешком. Моя бабушка была категорически против АСТ и вышла на одну из центральных улиц города собирать подписи против ее строительства.

Бабушка до этого никогда не участвовала в общественных кампаниях. Но АСТ казалась ей смертельно опасным проектом, поэтому она не побоялась выйти на улицу и найти поддержку жителей города.

Но бабушке не хватало знаний: все-таки она не была экспертом по ядерной энергетике. И тут она обратилась за помощью к моему отцу. Отец поддержал инициативу своей матери и начал активно выступать против АСТ. Умение говорить ярко, убедительно и по делу довольно быстро сделало его популярным в городе. Впоследствии отец, отвечая на вопрос, кто привел его в политику, всегда говорил: «Моя мама».

В 1988 году отец поехал в Москву и взял интервью у академика Андрея Дмитриевича Сахарова о горьковском проекте АСТ. Сахаров был ярким противником ядерного оружия и одним из инициаторов заключения Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах (атмосфере, космосе и океане) между СССР и США в 1963 году. Тем не менее Сахаров не выступал против ядерной энергетике, он считал, что атомные станции нужно строить под землей, чтобы избежать разрушительных последствий техногенных катастроф.

Здесь я должна пояснить: с 1980 года академик Сахаров был в ссылке в Горьком за критику властей, в частности за его возражения против введения советских войск в Афганистан. В ссылку Сахарова отправили без суда вместе с женой Еленой Боннэр. Целью этого вида наказания была изоляция человека от внешнего мира, он не мог общаться ни с кем. Один из изобретателей первой в СССР водородной бомбы и самый известный советский диссидент, Сахаров в 1975 году стал лауреатом Нобелевской премии мира. Премию он получил «За бесстрашную поддержку фундаментальных принципов мира между людьми и мужественную борьбу со злоупотреблением властью и любыми формами подавления человеческого достоинства». Он был всемирно известным человеком, который был вынужден жить в ссылке до 1986 года,

когда Михаил Горбачёв позволил ему вернуться в Москву. В 1984 году в знак солидарности в Вашингтоне площадь около посольства СССР была переименована в честь Сахарова. Спустя 33 года, в 2017 году, площадь перед посольством в России в Вашингтоне будет переименована в честь Бориса Немцова.

В 1980-е годы отец часто говорил о Сахарове, и поэтому он у меня вызывал неимоверное восхищение и интерес. Я плохо понимала, что такое «ссылка», и на полном серьезе считала, что отец меня легко может познакомить с Сахаровым. Этого не произошло, но своего кота я назвала Андрей Дмитриевич Сахаров.

Разговор отца с Сахаровым опубликовала газета «Ленинская смена» – в конце 1980-х она была более свободной, чем, скажем, «Горьковский рабочий».

Интервью вышло в двух частях. Первая называлась «Мы не должны держать себя в страхе» и была опубликована в конце октября 1988 года. Вторая, «Мы живем в новую эпоху», в которой Сахаров говорил о правах человека, была опубликована чуть позже, когда, как говорил отец, все уже расслабилось и сказали: «Делайте что хотите, уже все равно...»

Сахаров четко дал понять: он против строительства АСТ в Горьком. В конце 1980-х оно было заморожено.

Отец – не журналист, интервью с Сахаровым было первым и последним в его жизни. Но у него получилось то, ради чего существует журналистика: он поменял реальность во многом благодаря этому интервью.

В 1990 году прошли выборы народных депутатов РСФСР. К тому моменту система регистрации кандидатов упростилась. Это было связано в первую очередь с запросом общества на перемены и накопившимся недовольством КПСС. Отец был выдвинут в национально-территориальном округе № 35 – в него входил весь Горький. Всего по этому округу конкурировали восемь кандидатов. Отец проводил много встреч с избирателями, в том числе на заводе «Орбита», в общежитии политехнического университета и в других местах. Власти уже тогда не препятствовали проведению таких собраний. Отец участвовал и в теледебатах вместе с другими кандидатами. На бесплатную агитацию было выделено две минуты эфирного времени. Особого интереса к таким программам не было – возможно, из-за повторяющихся банальных речей. Нина Зверева, известная горьковская журналистка, которая сильно помогала отцу в начале политической карьеры, вспоминает, что отец долго размышлял, что ему говорить на этих дебатах. Они с Ниной обсуждали разные варианты, но во время эфира, послушав своих соперников, бесконечно обещавших, сказал: «Я могу обещать только одно. Я не буду врать». И все. Он выиграл выборы – и стал народным депутатом РСФСР.

На первом заседании депутатов Верховного Совета отец познакомился с Борисом Ельциным. Он пригласил на встречу депутатов, которые победили под демократическими лозунгами, и задал отцу вопрос: «Вы из Горького. У вас есть какие-нибудь идеи, как нам обустроить Россию?» Правда, звучит похоже на «Как нам построить прекрасную Россию будущего?»? Летом 1991 года Ельцин становится первым президентом новой России, а отец – его представителем в Нижегородской области. Чуть позже Ельцин назначает моего отца, которому только исполнилось 32 года, главой администрации Нижегородской области. Нина Зверева подошла к нему с микрофоном и спросила:

– Борис Николаевич, а вы не боитесь назначать губернатором такого молодого Немцова? Ведь нижегородский регион очень проблемный.

– Не боюсь, – ответил Ельцин. – Я ему верю, что он пойдет демократическим путем. Его ум, его ответственность, активность – это все положительные черты. Недостатки – какие? Молодость не считается недостатком. Отсутствие производственного опыта сказывается, немножко теоретический подход. Но это с годами проходит, поэтому я считаю, что это хорошая кандидатура для нижегородцев.

ПОТОМ, СПУСТЯ МНОГО ЛЕТ, ОТЕЦ ЛЮБИЛ ШУТИТЬ: «КОГДА Я БЫЛ МАЛЕНЬКИМ, Я РАБОТАЛ ГУБЕРНАТОРОМ». СЛОВО «ГУБЕРНАТОР», КСТАТИ, ВВЕЛ В ОБОРОТ МОЙ ОТЕЦ. ЕЛЬЦИНУ СНАЧАЛА ЭТО НЕ ПОНРАВИЛОСЬ, НО ПОТОМ ОН ПРИВЫК.

Недавно я обнаружила интересный факт. Есть ощущение, что в 1990-е годы в стране губернаторами становились сплошь прогрессивные ученые, правозащитники, общественные деятели – новые люди новой России.

Это неправда. Нижегородская область, в которой губернатором стал молодой ученый-физик, была не правилом, а исключением из него. В большинстве регионов в губернаторские кресла садились представители партноменклатуры. То есть фактически те же люди, что занимали те или иные должности до распада СССР.

И неудивительно, что про Нижегородскую область в середине 1990-х годов много писала российская и мировая пресса: регион стал столицей рыночных реформ.

Борис Немцов берет интервью у академика Андрея Дмитриевича Сахарова и его супруги Елены Боннэр. Октябрь, 1988 год. Автор – Николай Мошков

2

Комары, жестяные миски и алюминиевые ложки – лето в деревне Галибиха

Все, что я написала в первой главе, это «внешняя часть» истории о том, как молодой физик стал губернатором. И, думаю, многие знают эти факты. Я хочу рассказать о нашем быте – как мы жили, какие отношения у нас были... Мне кажется, так можно составить более полное представление о Горьком конца 1980-х и нашей семье.

Дети хорошо ощущают чувство не то чтобы депрессии – но гнетущей тоски. Горький второй половины 1980-х годов был одним из депрессивных городов того времени. И я это чувствовала настолько, что объясняла себе название города таким образом: «В этом городе живут люди, которым тяжело. И жизнь здесь горькая – поэтому город и назвали Горьким». О писателе Максиме Горьком я тогда не знала, и объяснение казалось мне совершенно логичным.

Тотальный дефицит. Вечные очереди. Однажды мы с мамой долго-долго стояли в очереди за соевыми батончиками. Совершенно тошнотворные, они казались нам настолько вкусными, что мы их съели почти все – по дороге от магазина до дома. Ели и не могли остановиться – так вкусно нам было.

Мы жили в съемных квартирах – сначала на улице Тимирязева, потом в переулке Могилевича. Как правило, когда я говорю, что мы жили в центре города на Могилевича, даже коренные нижегородцы меня переспрашивают: «А это где?»

Небольшой переулок возле площади Свободы вмещал в себя всего несколько домов. Один из них был нашим – старый, деревянный, с двумя комнатами, кухней... и без ванны. Мыться ходили к знакомым раз в неделю – это казалось нормальным. Отец иногда мылся в большом жестяном корыте, которое мы ставили прямо посреди комнаты.

Матрас на кровати родителей был настолько старым, что приходилось специально выбирать положение тела – так, чтобы ничто в него не впивалось. Однажды я заснула на их кровати: мне нравилось спать в родительской кровати. Вдруг проснулась от дикой боли: пружина матраса впиалась мне в ногу. Я кричала не только от боли, но и от страха: казалось, что пружина пробуравила ногу до кости. Я вскочила и побежала в гостиную к маме. Из ноги хлестала кровь, но к врачу мы обращаться не стали.

Я уже никогда не забуду тот ужас: шрам на ноге остался до сих пор. Память о жизни на Могилевича со мной навсегда.

НАШ ДОМ, ХОТЬ И ДЫШАЛ НА ЛАДАН, СТОЯЛ В ЦЕНТРЕ ГОРОДА – И ПУТИ ВСЕХ ДРУЗЕЙ МОЕГО ОТЦА ПРОЛЕГАЛИ ЧЕРЕЗ НЕГО. И ПОЧЕМУ-ТО ВСЕ ЗАХОДИЛИ К НАМ В ГОСТИ. И ВСЕ ЗАСИЖИВАЛИСЬ ДОПОЗДНА, ЧТО УЖАСНО БЕСИЛО МОЮ МАМУ: ЕЙ ВЕЧНО ПРИХОДИЛОСЬ ГОТОВИТЬ ЕДУ НА КУЧУ ГОСТЕЙ.

Ее угнетало даже не то, что нужно было подолгу стоять у плиты (а готовила мама после полноценного рабочего дня в библиотеке и похода на рынок и в магазины), а то, что гости съедали все.

Сейчас думаю: наверное, мы запирали двери в квартиру? Ведь должен же быть замок? Но я не помню ни одного момента, когда мы поворачивали ключ в замке или вертушок замка, когда были дома. А вот моменты, когда распахивалась дверь и на пороге оказывался очередной гость, помню отлично.

Мама злилась, а я радовалась каждому новому гостю. С тех пор как вокруг моего отца образовался круг диссидентов, я вдруг поняла, что жизнь в Горьком стала по крайней мере интересной.

Каждый день к нему приходили люди. Каждый день эти люди обсуждали какие-то важные вещи, причем обсуждали с таким жаром, что я их слушала не отрываясь. И больше всего меня радовало, что родители никогда не прогоняли меня, а, напротив, позволяли участвовать в обсуждениях и высказывать свое мнение по любому вопросу.

Я ненавидела быть ребенком. Я мечтала быть взрослой. И сейчас по-настоящему наслаждаюсь тем, что я взрослая и сама принимаю решения. А тогда, в детстве, лучшим способом отвлечь меня от какого-либо дела было сказать, что оно детское. Если к какому-то событию, явлению, продукту, предмету, действию добавлялось прилагательное «детский», оно вызывало у меня резкое отторжение.

Я почти никогда не дружила с детьми, и на мой день рождения всегда собирались только взрослые – это был закон.

Вообще, родители не особо занимались моим воспитанием. Когда я вижу, как серьезно современные мамы и папы погружаются в жизнь своих детей, как выбирают им кружки и секции, как анализируют разные школьные программы, чтобы выбрать наиболее подходящую для их ребенка, меня это слегка удивляет. Хотя не исключаю, что сама я буду не менее дотошной, если у меня появятся дети.

Мои родители давали мне максимальную свободу выбора, никогда не заставляли ничего делать: ни читать, ни заниматься спортом, ни ходить в кружки и секции – я всегда сама решала, чего хочу. Да, моя мама была очень строгой, но ее строгость касалась быта: она довольно жестко подавляла любые капризы. Правда, даже эта строгость к моим семи годам странным образом улетучилась, я думала тогда, что она подобрела. На самом деле так и есть. Бывает же такое, что люди с возрастом становятся мягче, и это как раз случай моей мамы.

Может быть, родители относились к тем людям, что считали: в этой жизни все предопределено, и, как бы ты ни силился воспитывать своего ребенка, на результат это не слишком повлияет? Не знаю.

НО КОГДА Я РОДИЛАСЬ, ОТЕЦ СКАЗАЛ: «КАК ХОРОШО, ЧТО ОНА ДЕВОЧКА. ДЕВЧОНКЕ ВАЖНО БЫТЬ КРАСИВОЙ – В ТОМ, ЧТО ОНА ВЫРАСТЕТ КРАСАВИЦЕЙ, Я НИСКОЛЬКО НЕ СОМНЕВАЮСЬ. А ВОТ МАЛЬЧИК ДОЛЖЕН БЫТЬ УМНЫМ – И ТУТ УЖ КАК ПОВЕЗЕТ».

Сейчас за такие слова отца могли бы обвинить в сексизме. Но тогда было другое время. Вообще, это очень показательный момент: прошло меньше сорока лет, а как сильно за это время изменилось общественное мнение, как сильно сместились акценты! Сегодня фраза «девочке необязательно быть умной, лишь бы выросла красавицей» режет слух. Хотя... я думаю, и сегодня большое количество людей думают именно так, но они вряд ли относятся к аудитории читателей этой книги. Однако реальная жизнь отличается от нашего информационного пузыря в «Фейсбуке»¹. Думаю, многие жители России по-прежнему уверены, что для девочки главное – удачно выйти замуж, а вот мальчик должен состояться в профессии. И не только в России – консерватизм силен и в западных странах.

Но, чтобы вы поняли, насколько отличалась жизнь «тогда» и «сейчас», приведу еще пару фактов. Когда я была совсем маленькая, моим родителям по-прежнему хотелось хоть иногда развлекаться, ходить на каток и в гости. Няни у меня не было. Бабушка работала и помогала своей старшей дочери Юле и ее семье.

¹ Приложение принадлежит к компании Meta Platforms, которая считается экстремистской организацией, и ее деятельность запрещена в России.

Как оставить меня дома одну, чтобы я случайно не включила газ, не уронила на себя что-то тяжелое?

Родители придумали классную идею. Они сажали меня на большую кровать и говорили: – Не слезай на пол. По полу бегают волки, они тебя укусят!

И я сидела на кровати, искренне веря в несуществующих волков.

Однажды – я как раз сидела одна на кровати – к нам в квартиру зашел Александр Котюсов, бывший ученик отца, который стал его приятелем. Он проходил мимо и решил заглянуть, открыл дверь (а она не запиралась!) – и увидел, как я сижу на кровати и сама себя укачиваю, чтобы уснуть.

Знаю, сейчас и эти примеры кажутся чудовищными: как можно оставить маленького ребенка в одиночестве? Но у моих родителей не было никаких опасений.

Я обожала родителей и во всем им доверяла. Отец никогда не предъявлял ко мне никаких претензий и не обращал внимания на недостатки.

Словом, на меня никто не возлагал особых надежд, не оказывал давления, но отец был уверен, что вырасту я хорошим человеком. И вот эта установка отца (сейчас будет абсолютный штамп, но без него никак) красной нитью прошла через всю мою жизнь.

И мне это сильно помогло. Когда на тебя смотрят как на надежду семьи, это ужасно давит. Мне же предоставили свободу развития, за что я безмерно благодарна родителям.

В дошкольном детстве я вела вполне богемную жизнь: у меня не было никаких особых обязанностей. Я засиживалась допоздна с друзьями отца (никто не отправлял меня спать в девять вечера), и даже в детский сад отец приводил меня часам к одиннадцати утра (хотя всех остальных детей приводили к восьми-девяти). Просто в его институте график работы был довольно свободным, и родители не понимали, зачем просыпаться в садик рано, когда можно поспать чуть дольше.

Кажется, ничего в жизни я не ненавидела сильнее, чем детский сад.

Во-первых, в детском саду были дети, а общение с детьми для меня не представляло ровным счетом никакого интереса. Во-вторых, в детском саду требовалось делать что-то руками: у меня плохо развита мелкая моторика, я не была успешна в поделках. В-третьих, в садике были раскладушки.

Сам дневной сон мне нравился. Но спали мы на раскладушках, поверх которых стелили матрасы, одеяла, подушки... После сна требовалось свернуть это все и отнести нянечке в соседнюю комнату.

А эти набитые ватой матрасы невероятно тяжелые (по крайней мере, для дошкольника). Их тащить – мучение. И боишься, что у тебя из этого свертка что-то упадет – меня всегда ужасно смущало, если вдруг что-то падало из рук. Но по дороге преследовала еще одна опасность, связанная с тем, что к тебе сзади мог подойти мальчишка и стянуть с тебя трусы. И нужно выбирать – либо ты доходишь до нянечки с трусами, болтающимися в районе коленок, либо бросаешь свой сверток и натягиваешь трусы, но тогда гигантский сверток падает и разваливается на части.

Каждый день я опасалась, что со мной может произойти нечто подобное. Каждый день пристально следила, чтобы рядом не оказалось никого из хулиганов. Но один раз все-таки со мной это случилось.

Пожалуй, из всего садика мне нравилась только еда. Как ни странно, кормили нас вкусно (для конца 1980-х годов это действительно было странным), так что по дороге домой я много и охотно рассказывала маме, что нам давали на обед, что – на полдник. Я любила поесть – впрочем, люблю и сейчас.

Еще в детском саду были утренники – правда, помню я только новогодние, и вот в какой связи.

Нет, не потому, что мне давали роль Снегурочки – ее не давали. Если я и играла роли, то лишь второстепенные (меня это устраивало: меньше учить текста). Но вот насчет Деда Мороза...

Я в него верила. Причем верила очень долго – уже училась в школе, а вера в чудо не уходила. А в детсадовском возрасте не сомневалась нисколько: Дед Мороз существует.

И вот однажды на новогоднем утреннике мы все дружно зовем Деда Мороза – и в актальный зал вдруг выходит мой папа! Да, в костюме Деда Мороза, но было слишком очевидно, что это он: отец не слишком заморочился скрыть свою черную бороду и уличную одежду. Ему неохота было играть роль Деда Мороза.

Тогда я объяснила себе: Дед Мороз слишком занят, чтобы ходить на утренники в такое заведение, как детский сад. Поэтому здесь в Деда Мороза наряжаются папы. А настоящий Дед Мороз обязательно придет ко мне в новогоднюю ночь из Лапландии. И принесет подарок.

Кстати, именно подарок (потом, несколько лет спустя) развеял мою веру в сказку.

Что дарили Деда Морозы детям в позднесоветское время? Как правило, пакет с конфетами. Мне тоже дарили такой пакет, и этот подарок вполне вписывался в теорию существования Деда Мороза. Отличный подарок, всем детям одинаковый – не придерешься.

Однажды, когда мне было лет пять, Дед Мороз принес калькулятор, что мне страшно понравилось. И такой подарок тоже казался мне вполне логичным.

Когда я уже была школьницей, утром 1 января я нашла подарок – вязаный костюм от нижегородского модельера Анны Лесниковой. В то время Анна Лесникова была самым модным дизайнером в регионе. Ее вязаные костюмы покупали (или мечтали купить) все. Моя мама тоже носила такой. И стиль Лесниковой был и остается настолько узнаваемым, что спутать ее костюмы с чьими-то другими казалось невозможно.

Сначала я случайно увидела этот костюм в мамином шкафу, а потом под елкой – и поняла, что Деда Мороза не существует.

В детстве я обожала Новый год и все, что с ним связано. Сейчас отношусь к нему гораздо спокойнее. Перелом случился именно тогда – в тот момент, когда закончилась сказка, а у меня появился новый вязаный костюм.

В МОЕЙ ЖИЗНИ КАЖДЫЙ ГОД СЛУЧАЛИСЬ МИНИМУМ ДВА МЕСЯЦА ПОЛУДИКАРСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В ДЕРЕВНЕ ГАЛИБИХА, ГДЕ Я ПРОВОДИЛА ЛЕТО.

Дом в Галибихе – старый, еще дореволюционной постройки – купила бабушка, мать моего отца. Та самая, что боролась со строительством АСТ и что всю жизнь была апологетом здорового образа жизни.

Почему бабушка выбрала именно эту деревню – загадка. Впрочем, нет. Я ее спросила, и она мне написала длинное сообщение в семейном чате в «Ватсап»², которое я цитирую здесь: «Около деревни Галибиха находился пансионат для ученых от Дома ученых. Мы туда случайно по путевке приехали где-то в 1980-е годы и потом каждый год ездили. Красота, река Ветлуга, мы были счастливы. Путевки я приобретала с трудом: мест не хватало. Мы постоянно ходили гулять в Галибиху, в магазин и везде. У Юли (сестры моего отца. – Прим. авт.) там появились друзья, и однажды хозяева этого дома сказали, что дом продается, там никто уже не жил. У хозяев был другой дом. Для нас это было счастье. Дом огромный, на двух хозяев, с отдельными входами. Для нас после нашей хрущевки побыть там в отпуске летом – мечта! Дом продали очень дешево – две моих зарплаты. Зимой там жить было невозможно, все разваливалось, крыша текла, дом осел на бок. А мы были счастливы. Дом очень старый, на подоконниках были фотографии солдат в дореволюционных обмундированиях. Уткин (муж Юли. – Прим.

² Приложение принадлежит к компании Meta Platforms, которая считается экстремистской организацией, и ее деятельность запрещена в России.

авт.), я, Юля, Боря, потом и подросший Толя (мой двоюродный брат. – Прим. авт.) постоянно занимались ремонтом. Крыша, окна, перекладывали печь, обновляли двор, неоднократно поднимали дом. Для этого Уткин звал Борю помогать на выходные дни».

Бабушка называла мужа моей тети Уткин. У нас в семье обращение по фамилии никого не смущало. Да и рассыпаться в комплиментах не было принято. Моя мама до сих пор не пишет восторженных постов в «Фейсбуке» об успехах дочери – она считает, что это неприлично. И лично мы крайне редко хвалим друг друга. Комплимент – это как букет, его «вручают» только на праздник, и то не каждый.

Моя бабушка Дина Яковлевна себя всегда называла бабка. И когда ей было 50 лет, и сейчас. Мою тетю называла Юлька. Не Юлечка, не Юля – Юлька. Я – Жанка (но иногда все-таки Жаннуля, так тоже бывает). Моя мама – Райка. Отца моего звали Борька, если повезет – Борюня. Вот моего брата всегда звали Толя, редко Толька.

Но проблема в том, что и Толиного отца, мужа моей тети, тоже зовут Толя. Поэтому бабушка, чтобы не перепутать, стала называть его Уткин.

Уткин был единственным человеком, который наводил порядок в Галибихе. Он приезжал туда в отпуск в августе, когда в доме уже были полный разброд и шатание. Уткин приезжал – и все безобразия заканчивались. Толя брался за тяжелые физические работы (например, за ремонт сарая).

Галибиха – это Воскресенский район, северо-восток Нижегородской области. Чуть восточнее – граница с Марий-Эл. Болотистые места. Непроходимые Евдокимовские леса – так они назывались. Река Ветлуга – холодная, северная. Море комаров в июне и июле. Жуть эта Галибиха.

Жуть этот дом. Его действительно ремонтировали каждый год, в том числе к ремонту дома привлекался и мой отец, который терпеть не мог деревню. Но он был еще обязан каждый год стелить рубероид на крышу. Конечно, гораздо проще было бы покрыть крышу шифером – и забыть о ней.

Но шифер неэкологичен, поэтому убеждать бабушку все же пойти на компромисс в этом вопросе было гиблым делом. Бабушка очень жестко и последовательно отстаивает свои взгляды по принципиальным для нее вопросам. Она настолько повернута на всем, что касается здоровья, что одно время даже холодильник подозревала в том, что он излучает. А уж телевизор всегда смотрела на расстоянии 10 метров, не ближе – чтобы «не облучиться».

В Галибихе, повторюсь, были тучи комаров. И в те годы уже появлялись средства защиты от них, но... бабушка считает, что использование, как она выражалась, «всякой химии» нанесет непоправимый вред здоровью. Поэтому никаких репеллентов она не признает.

Нас с Толей в Галибиху отвозили в июне. Я была искутана вся. Абсолютно вся – на мне не было живого места ни на теле, ни на лице. Галибиху я ненавидела лютой ненавистью. Мы ехали туда на двух автобусах, везли какие-то бидоны, жестяные ведра, все с продуктами – с едой в деревне в начале лета было сложно, а машины ездить в райцентр у нас не было. Весь быт был очень тяжелым, не было даже бани, мылись в реке раз в неделю хозяйственным мылом, там же стирали. Туалет на улице, выгребная яма. Воду нужно было носить из колонки ведрами. Жестяной умывальник, отсутствие газа, микроскопические электроплитки.

Естественно, никакой эстетики.

БАБУШКА СЧИТАЕТ, ЧТО КРАСОТА – ЭТО НЕВАЖНО. ОНА НЕ ПРИДАЕТ НИ МАЛЕЙШЕГО ЗНАЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ АТРИБУТИКЕ. ПРИ ЭТОМ БАБУШКА ОЧЕНЬ ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

У нее отменный литературный вкус, она читала Фолкнера, Достоевского, разбирается в классической музыке – но быт приветствует совершенно крестьянский. Мы ели из жестяных

мисок, пили из жестяных кружек. А ели мы в принципе алюминиевыми ложками. Вилки были не предусмотрены.

Естественно, бабушка была постоянно занята, ей было некогда со мной ходить на речку и в лес. Двоюродному брату было проще – он старше на пять с половиной лет, и у него было больше свободы передвижения. Я же обязана была сидеть в доме или гулять по огороду.

Единственной нашей «обязательной программой» было каждое утро полоть огород и вручную собирать колорадских жуков и личинки с ботвы картофеля, а потом давить их (никаких пестицидов бабушка, конечно, не использовала). И мне это нравилось! За эту работу нам давали конфеты.

Но огородные работы занимали полтора часа в день, а все остальное время мы с братом просто сходили с ума. Играли в карты по десять часов подряд. Соревновались, кто больше съест. Брат был старше, но я изо всех сил старалась его «переесть» – все заканчивалось расстройством желудка.

Бабушка считает: здоровой пищи сколько ни съешь, все хорошо. Творог – жирный, 20–40 % жирности – в эмалированную миску. Сверху – 200 граммов деревенской сметаны, от души – варенья... Ешьте, дети! И мы ели.

От такой жизни неизбежно становишься немного дикарем. И вот в один из годов я настолько одичала, что перестала по утрам расчесываться. К тому же у нас в доме было очень мутное зеркало, в нем был виден только расплывчатый силуэт, поэтому я точно не знала, как я выгляжу. Бабушка этого не замечала, а если и замечала – не считала катастрофой. Через месяц навестить нас приехала моя тетя Юля. Когда меня увидела, ахнула: волосы выглядели примерно как стекловата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.